

Е. В. Гаврилин

Первая площадка

Полигонные зарисовки

Евгений Васильевич Гаврилин

Первая площадка

(полигонные зарисовки)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7064432

Первая площадка (полигонные зарисовки) / Гаврилин Е.В.: Техносфера;

Москва; 2013

ISBN 978-5-94836-354-7

Аннотация

В книге делается попытка осветить начальный период становления полигона противоракетной обороны в Казахстане, на берегу озера Балхаш, и проведения испытательных работ на нем. В основу положены материалы и события, происходившие на Первой площадке, входившей в состав экспериментальной системы ПРО – системы «А». Автор был непосредственным участником и руководителем испытательных работ в 60-х годах прошлого столетия, проводившихся на Первой площадке, и на профессиональном уровне рассказывает об этом важном этапе зарождения отечественной ПРО. Книга представляет интерес для слушателей военно-учебных заведений, молодых испытателей, посвятивших себя отработке и вводу в строй новых систем и средств РКО, а также читателей, интересующихся историей

становления вооружения противоракетной обороны в нашей стране.

Содержание

Истоки	8
В академии	20
Армейские университеты	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Васильевич Гаврилин Первая площадка (полигонные зарисовки)

*Испытателям Балхашского полигона ПРО и их
женам посвящается*

Несколько раз в своих заметках я пытался обратиться к полигонному периоду моей службы и... откладывал эту ра-

боту на потом. Уж очень серьезен и значителен этот период, да и не только в моей жизни. Это время – принципиально важное для нашего государства, для его безопасности и весомости в мировой политике. Действительно, проблемы, решавшиеся в начале шестидесятых годов на Балхашском полигоне, имели историческое значение и позволили существенным образом повлиять на обеспечение стратегической стабильности на Земле.

Мне довелось, что считаю крупным везением, участвовать в большой серии испытаний первой отечественной полигонной системы противоракетной обороны – системы «А». Беспрецедентные по сложности задачи поражения головных частей баллистических ракет, обнаружения и сопровождения искусственных спутников Земли пришлось решать полигону в начале шестидесятых годов. В эти годы была заложена и отработана методология испытания суперсложных систем, работающих в автоматическом режиме реального времени. Была создана великая школа инженеров-испытателей, позволившая в будущем апробировать все новые поколения систем противоракетной обороны, точнее – ракетно-космической обороны.

Довольно трудно браться за глубокие исследования всех взаимообусловленных процессов, происходивших в то время в стране в целом и на Балхашском полигоне в частности. Но после долгих колебаний я решил попытаться сделать зарисовки, которые в какой-то, может быть, небольшой, сте-

пени проиллюстрируют отдельные стороны жизни и работы специалистов полигона, практически начиная с истоков их уникальной деятельности. При этом весьма существенно для меня было желание поразмышлять, обдумать, проанализировать не только пережитое, но и тот огромный путь, который был пройден ракетно-космической обороной. Материала для этого накопилось очень много. Думается, что умение анализировать, размышлять жизненно необходимо, так давайте размышлять сами и вовлекать в этот процесс друзей и знакомых – польза от этого будет великая! Не сомневайтесь!

Передо мной стояла задача показать колоссальный труд, вложенный всеми специалистами полигона при зарождении первых систем противоракетной (а впоследствии – ракетно-космической) обороны. Именно это я считал главным. В работе на полигоне принимали участие многие тысячи специалистов. Назвать всех просто нереально. Персоналии в данном контексте помогают только иллюстрировать созидательную суть процессов, происходивших на Балхашском полигоне ПРО.

Истоки

Определение истоков творческого пути, приведших тебя в какую-то точку жизненного пространства, является принципиально важным для каждого человека. Также важно понять, каким образом ты стал обладателем профессионального и жизненного потенциала, позволившего решать задачи подчас уникальной сложности. Мне думается, что исходной точкой формирования специалиста будущего является школа.

Шесть с половиной десятков лет назад я пришел, точнее меня привела мама, в первый класс нашей родной Черкизовской средней школы. И все прошедшие годы я с великой благодарностью вспоминаю время школьной учебы. Забылось огромное число событий, имен и фамилий людей, с которыми приходилось встречаться, работать, «съесть пуды соли», а вот первую свою учительницу Антонину Владимировну Звереву помню и с сыновней благодарностью бережно храню память о ней. Так же как и память о прекрасных педагогах, которые давали нам не только всесторонние знания, а и воспитывали, и развивали лучшие человеческие качества, присущие современным цивилизованным людям.

Черкизовская школа. 1950 год

И все это в годы, когда шла Великая война, когда царила в стране страшная послевоенная разруха, тяготили голод и нищета. Не хватало не только продуктов, не хватало дров, чтобы поддерживать тепло в школьных классах, частенько приходилось сидеть на уроках в верхней одежде, а в чернильницах замерзали чернила. Школьная учебная материально-техническая база была крайне скудна. Учителя получали мизерную зарплату, которая позволяла им едва сводить концы с концами.

Сегодня невозможно себе представить, как можно в таких нечеловеческих условиях «сеять доброе, вечное». А вот эти великие, не побоюсь этого слова, труженики Черкизовской средней школы смогли. И не просто смогли, а так добротой «посеяли», что лично мне хватило на всю жизнь. Уже будучи доктором технических наук, профессором, лауреатом двух премий Государства Российского, я неизменно ощущаю, что фундамент, основа этих достижений заложены в Черкизовской средней школе беззаветно преданными своему делу учителями.

Нет, не зря я так ценю нашу школу. Чтобы быть понятным, приведу всего-навсего один пример. После окончания школы я поступал в военную академию в Харькове. Сдавать пришлось девять экзаменов по всей школьной программе за двенадцать дней, практически каждый день – сдача без

предварительной подготовки. Запомнился экзамен по химии, принимала его преподавательница академии. Мне попался билет с очень сложной задачей вывода химической реакции с набором каких-то элементов, сейчас я не помню конкретно каких, но это и не суть важно. Важно другое. Как оказалось, эта задача не могла быть решена в рамках объема школьной программы. Но нас ведь учил великий химик «Степан» (по нашей ученической «классификации»), в миру – Степан Павлович Квасов, который научил нас решать подобные курьезные головоломки. И я задачу решил, чем привел в изумление академического преподавателя, которая так и сказала: «Как вы догадались, ведь в школьной программе этого нет?» На что я не без гордости ответил, что у меня в школе был потрясающий учитель химии.

Я уже упоминал о скудости материально-технической учебной базы. Наверное, сегодня трудно представить (в том числе и сегодняшним преподавателям нашей школы), как можно с почти пустыми руками демонстрировать какие-то химические реакции, проводить какие-то физические опыты. А оказывается, наши учителя могли, и еще как могли, да так наглядно и убедительно, что остались знания в памяти на всю жизнь!

До сих пор помнятся уроки физики Валентины Арсеньевны Лариной, демонстрации по электризации и скоплению электрических зарядов. Валентина Арсеньевна – очень серьезный преподаватель, прекрасный методист, у нее все бы-

ло разложено «по полочкам». За время урока это все в обязательном порядке «перекочевывало» в наши тетрадки. Четкость формулировок была просто потрясающая, и позже мы понимали, что физика – наука точная и физические законы не терпят волюнтаризма (что, к сожалению, не всегда понимают люди, берущиеся руководить сложными физическими процессами. При таком руководстве и может сформироваться какой-нибудь очередной Чернобыль).

Часто вспоминается Владимир Николаевич Чараев, человек удивительной судьбы и еще более удивительный учитель математики. Интеллигентнейший, знавший в совершенстве алгебру, геометрию, тригонометрию. И не только знавший, но и умевший научить нас этим предметам, привить к ним уважение и стремление познавать глубже, чем того требовала программа средней школы. А как это пригодилось нам после школы, в вузах, в научной и практической работе. Владимир Николаевич был не только прекрасный методист, он был удивительный рассказчик, и уж совершенно нас всех потрясала его удивительная способность мгновенно рисовать на доске мелом идеальные окружности. Поначалу мы не верили, что его окружность близка к окружности, начерченной при помощи циркуля, но многократные наши проверки подтвердили этот неоспоримый факт. Ребята в нашем классе все, как один, обожали Владимира Николаевича, девочки тоже обожали, но побаивались. И это было объяснимо, он был строг и требователен, как нам казалось, но, надо признать,

прежде всего – к себе, а уж потом и к ученикам. Всегда при галстукe, в стареньком, выдавшем виды, но всегда идеально выглаженном костюме, он никогда не опаздывал к началу урока. Во всем его облике, в манере обращения, в подаче материала чувствовалось особое воспитание, особая школа, которая сформировала этого человека. Как потом оказалось, он был офицером еще царской армии, причем артиллерийским. А эти офицеры неизменно проходили глубокую математическую подготовку. Мы были убеждены и не раз убеждались в дальнейшем, что с учителем математики нам крупно повезло. И моя служебная, творческая жизнь это подтвердила в полной мере.

И, конечно, я не могу, просто не имею права, не сказать несколько слов о Василии Михеевиче Лобанове – нашем учителе биологии, одно время классном руководителе, а в последствии и директоре школы. Во всех этих ипостасях его профессиональные и человеческие качества раскрывались с разных сторон.

Вот он – преподаватель биологии, показывает нам, как нужно проводить посадку плодовых деревьев и кустарников, как делать прививку разных сортов деревьев. И вот при школе много лет растет и плодоносит большой фруктовый сад, а я у себя, в собственном саду, прививаю плодовые деревья, легко вспомнив через много лет советы учителя биологии и его наставления. Значит, ничего не пропало, значит, этот человек жил и занимал эту должность не зря!

Вот он – классный руководитель нашего 7-го «Б». Нам немного страшновато. Офицер, участник Великой Отечественной войны, потерявший в боях ногу, награжденный боевыми орденами. Ходит на протезе с палочкой. Вид суровый, на самом деле страшновато. И знаете, как растаял между нами лед страха и недоверия? Как-то мы договорились всем классом (или почти всем) поехать в Москву, в Исторический музей. Василию Михеевичу, само собой разумеется, мы ничего не сказали. Решили: все, что после уроков, – это наше дело, и, кроме того, как я уже говорил, мы его слегка опасались. Приходим к электричке, а Василий Михеевич уже там. Что делать, не отменять же мероприятие, тем более что он говорит нам: «Ребята, возьмите и меня в музей. Был там до войны, очень хочется посмотреть, как там теперь!» Поехали все дружно. Знаете, какая это замечательная поездка была?! Василий Михеевич оказался интереснейшим рассказчиком. Он был нашим гидом, да притом обладающим энциклопедическими знаниями. Много шутил, приводил примеры и факты, о которых мы никогда не слышали. Надо сказать честно, эта поездка повернула наше отношение к классному руководителю на сто восемьдесят градусов. Все ребята мгновенно оказались в него влюбленными. Даже девочки перестали опасаться и пугаться при встрече с ним. Он стал нашим кумиром, этот настоящий человек, который всегда мог защитить и прийти на помощь. Вот эта человечность, убежден, запала в нашу душу и, без сомнения, дала ростки, а в буду-

щем – хорошие всходы. По крайней мере, со своей стороны я это могу свидетельствовать с чистой совестью.

И вот он – директор нашей Черкизовской средней школы. Сдержан. Суров и требователен: что поделаешь, должность требует такой стратегии поведения. Нет сомнения, что Василий Михеевич состоялся и как директор школы. И лучшее подтверждение этому – новая трехэтажная, даже сейчас вполне современная школа, строительство которой было осуществлено в бытность его директором.

Заканчивая рассказ о Василии Михеевиче, не могу не упомянуть об одной черте, которая была характерной если не для всех, то для абсолютного большинства учителей нашей школы (да, наверное, и не только нашей). Я говорю о патриотизме наших воспитателей. Это были государственники, которые старались и нам привить чувство глубокой любви к нашей Родине, к родному краю. Мне особенно врезался в память момент, связанный со смертью Сталина. Мы собрались на митинг, на котором с небольшой речью выступил директор школы – Лобанов Василий Михеевич. Мы были потрясены тем, что он рыдал, как младенец, которому было очень больно. Боевой офицер, потерявший на фронте ногу, не раз смотревший смерти в глаза, сотрясался в рыданиях и не мог говорить. Я много раз пытался найти объяснение этому порыву столь уважаемого и заслуженного человека. И неизменно прихожу к выводу, что Василий Михеевич, как человек потрясающе одаренный, понимал, а может быть,

интуитивно чувствовал, что это был не просто уход человека из жизни. Это было начало конца великой страны, что и подтвердило дальнейшее развитие событий.

7-й «Б» Черкизовской школы. В первом ряду – преподаватели (слева направо): Ларина В.А., Тёпленский С.М., Лобанов В.М., Чараев В.Н., Данилов Н.Л.

В своем рассказе я упомянул только нескольких представителей той, старой школы учителей, у которых мне пришлось учиться в сороковые-пятидесятые годы. Безусловно, блестящих преподавателей той поры было неизмеримо больше. Всех их объединяла любовь к своим ученикам, преданность профессии, делу воспитания молодого поколения. Это

были патриоты и великие граждане своей страны. Низкий поклон им за их беспримерный и нужный труд.

В целом заслуга коллектива Черкизовской средней школы той поры мне видится в преемственности поколений, в том, что этот коллектив мог лучшие черты и принципы воспитывать у нового поколения учителей, приходящих в его ряды. В этой связи мне хотелось бы рассказать о Лидии Алексеевне Зотовой, воспоминания о ней полны большой благодарности. Лидия Алексеевна принадлежала ко второй волне, новому поколению учителей, о котором я говорил выше. Пришла она к нам в восьмой класс классным руководителем после Василия Михеевича. После такого классного руководителя, каким был Василий Михеевич, ей очень трудно было занять достойное место, но она сумела решить эту непростую задачу. Высокообразованная, в высшей степени интеллигентная, к тому же красивая молодая женщина сумела взять в свои руки управление учебным процессом. Во всем ее облике и поведении чувствовалось, что мы стоим на пороге новой эпохи. Об этом, в частности, свидетельствовало умение Лидии Алексеевны красиво и современно одеваться. Короче, она и олицетворяла эту приближающуюся эпоху. Но что характерно. Лидия Алексеевна впитала все лучшее, что было наработано в учебной методологии в нашей школе первым (условно назовем так) поколением преподавателей. И это вселяло надежду на то, что Черкизовская средняя школа будет еще долго не только сохранять, но и наращивать

свой учебно-методический потенциал. Как это происходило в дальнейшем, думаю, можно выяснить у конкретных участников последующего учебного процесса. Что касается нашего выпуска, то...

Черкизовская школа. 1956 год

Многие десятки лет проходил довольно часто мимо нового здания Черкизовской средней школы и ни разу в нее не зашел. Почему? Я думаю, из всего выше изложенного, ответ напрашивается сам: боялся разочарования. К концу жизни у человека остается в памяти не так уж много светлых воспоминаний, которые согревают душу. У меня одно из таких самых значимых воспоминаний – родная Черкизовская средняя школа. Смотришь на происходящее вокруг и с содрога-

нием думаешь – а может быть, и в нашей школе уже все не так, как тебе виделось в прошлом? И боишься разочарования. Хорошо бы, чтобы это было ошибкой!

В прошлом году решил сломать сложившийся стереотип. Пришел в школу, договорился с директором и прочитал две тематические лекции ученикам десятого класса – о Чернобыльской катастрофе и к Дню космонавтики. И как же было радостно увидеть, какие прекрасные дети учатся сейчас в моей родной средней школе! Нисколько не хуже, а скорее намного выше по своему развитию, чем были мы. Отлегло от сердца. Страхи были напрасны. Жаль, если «реформаторы» от образования добьются своих разрушительных целей и погубят дух наших традиционных средних образовательных школ. Дух, который создавался в течение многих десятилетий, не одним поколением. Это дух и колоссальный труд учителей заложили базис будущей моей профессиональной подготовки. Вот с этим базисом и отправился я в город Харьков в Артиллерийскую радиотехническую академию имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

В академии

Итак, 1954 год, Харьков, Артиллерийская радиотехническая академия имени Л.А. Говорова. Конец юношеству и переход в новую, незнакомую досель среду профессиональных военных. Предстояла пятилетняя учеба в академии и затем длительная служба военного человека. Но это все будет потом.

В академии встретили нас довольно сурово, поселили в солдатской казарме с двухъярусными кроватями, кормили в солдатской столовой, еда, честно говоря, была не очень хороша. Народ собрался абсолютно разношерстный, из всех уголков Советского Союза. Выделялись выправкой и военной формой выпускники суворовских училищ, их было довольно много. Очень быстро выяснилось, что конкурс какой-то сумасшедший – человек двенадцать на одно место. И что интересно: медалистов при этом среди абитуриентов раза в три больше, чем вакантных мест. Становилось ясно, что попасть в это учебное заведение не только проблематично, а попросту невозможно. Первое желание было бросить все и удрать обратно в Москву. Останавливало одно: когда мне оформляли документы в военкомате, подполковник предупредил, что конкурс в Харькове будет большой. «Но ты, – говорит, – не отчаивайся, ничего страшного не случится, даже если не пройдешь по конкурсу, потренируешься хотя бы,

время ведь еще будет в другой вуз подать документы». Это было логично. С этими мыслями, спасибо подполковнику, я и бросился в водоворот экзаменационной нервотрепки. Это был действительно самый настоящий водоворот. Предстояло за двенадцать дней сдать девять экзаменов. К экзаменам готовиться времени не было, утром, только открыв глаза, спрашивали: «Что сегодня сдаем?» Быстренько позавтракав, садились в автобус – и на очередной экзамен. По ходу сдачи начался массовый отсев абитуриентов, получивших две и больше «двоек». Первыми отсеялись представители закавказских республик, кстати, все они были медалистами. Становилось ясно, какой уровень подготовки получали ученики средних школ в разных регионах нашей страны.

Закончились последние экзамены, вывесили список прошедших конкурс, своей фамилии в нем я не нашел. Он содержал всего-то два десятка фамилий. Поговорил с ребятами, все мы, ребята из Подмосковья, уже как-то сдружились. Тех, которые ехали со мной на поезде, было человек двадцать пять. Решили, что надо на вокзале узнать, как обстоит дело с поездами и билетами на Москву. Съездили, все разузнали, возвращаемся в свою казарму, а меня уже встречают знакомые ребята и говорят, давай быстрее иди, вывесили дополнительный список, и ты там есть. Смотрю и не верю своим глазам, действительно, моя фамилия есть, а я вроде и не очень-то и рад: уже настроился на возвращение домой, и, честно говоря, вся эта плохо организованная и смешан-

ная гражданско-военная обстановка как-то не впечатляла. Но вспомнилась мама, ее усталое, измученное лицо, вспомнилось ее непреодолимое желание видеть сына офицером, и все сомнения были отброшены. Вот тогда, стоя у доски объявлений перед списком принятых в академию, я понял и душой почувствовал, что обязан жить и поступать так, чтобы было комфортно и радостно от этих поступков моим близким. Стараюсь придерживаться этого принципа всю свою жизнь и не сожалею об этом. А ведь очень часто встречаются люди, которые заботятся исключительно о своих собственных комфорте и интересе, не замечая, что они приносят этим большие страдания окружающим.

Дальше события развивались стремительно. Отобранных абитуриентов построили, сводили в баню, выдали обмундирование, тут же заставили пришить подворотнички (с нашими-то навыками!), погрузили в автобусы и повезли под Чугуев – в лагерь академии. Как оказалось, в течение месяца, до 1 сентября, мы должны были проходить курс молодого бойца.

Этот месяц я запомнил на всю жизнь! Хотя я не был избалован жизнью, но сразу, как говорится, с ходу было трудно, облачившись в военную форму, от подъема в шесть часов утра, до отбоя в десять часов вечера бегать, стрелять, плавать, ползать по-пластунски и т. п. и т. д. При этом стояла жара под тридцать градусов, а лагерь только-только обустроивался. Устные занятия проводились под деревьями, слушатели сидели прямо на земле – классы еще не были оборудо-

ваны. Жили в брезентовых палатках, кормили очень плохо, мы изматывались настолько, что в перерыве занятий после команды: «Встать, смирно! Вольно, перерыв пятнадцать минут» – все падали замертво на землю и тут же отключались. Особенно плохо было ходить поздно вечером строем по лесу. Темнота – хоть глаз коли, в строю все идут и ноги не поднимают (умотались за день), а там везде мелкий песок – как пыль. Так вот те, кто поменьше ростом, на левом фланге от этой пыли просто задыхались и всю дорогу орали, чтобы передние поднимали ноги. Но кто к этим мольбам прислушивался?!

Закончились эти муки, и мы, уже загоревшие, подтянутые, в самом конце августа прибыли в Харьков. Разместили нас в общежитии на улице Руставели, в бывшем артиллерийском подготовительном училище. Это было настоящее блаженство: кругом чисто, свободно, можно вдоволь заниматься спортом на своем стадионе. Первого сентября поехали на открытие учебного года в академию. Она размещалась на площади Дзержинского, одной из самых больших площадей в Европе. В новенькой форме мы с удовольствием отдавали честь офицерам, которых там было великое множество. В то время в академию принимали только офицеров. Нам просто повезло: несколько наборов слушателей академии из гражданской молодежи было проведено в порядке исключения.

Наверное, нет особого смысла подробно останавливаться на учебе в Харьковской академии, поскольку эта студенче-

ская процедура достаточно стереотипна и мало чем принципиально отличается от учебы юноши в любом военном высшем учебном заведении. Хотелось бы только подчеркнуть, что подготовка в этой академии отличалась глубокой фундаментальностью, что я лично ощущал всю последующую жизнь, где бы ни приходилось мне служить и работать. Коллектив слушателей нашего курса был превосходен как по подготовке, так и по человеческим качествам. У нас сложились удивительно хорошие, дружеские отношения с Олегом Людоговским, Стасом Фоминым, Женей Артамоновым, Колей Жаровым, Славой Тупицыным, Феликсом Андреевым, Володей Закорюкиным, Федором Евстратовым и многими другими ребятами.

Слева направо: Людоговский О.Д., Артамонов Е.Я., Тупицын В.М., Гаврилин Е.В.

У нас были такие первоклассные преподаватели, как Ширман Я.Д., Шифрин Я.С., Ландкоф С.Н. и многие другие, офицеры – начальники курсов полковники Нестеренко А.П., Акопян Г.А., Озерский Н.П. Я до сих пор с большой благодарностью и искренним уважением вспоминаю профессорско-преподавательский состав нашей академии и годы учебы в ней. В академии сложились целые научные школы, а фундаментальные научные работы многих преподавателей получили признание не только в нашей стране, но и во всем мире. Харьковская академия по праву была одним из самых интеллектуальных военно-учебных заведений в СССР. Этому способствовало бурное развитие вооружения и военной техники противовоздушной обороны, а впоследствии – ракетно-космической обороны. Как известно, эта техника объективно обладала самым высоким уровнем системотехники и автоматизации, в ней внедрялись и апробировались быстродействующие электронно-вычислительные машины, сложнейшие программно-алгоритмические комплексы, работающие в реальном масштабе времени. Где сейчас эта академия с ее интеллектуальным потенциалом? Риторический вопрос. Там, где почти все, что было создано и наработано многими поколениями ученых, конструкторов, инженерно-технического состава, рабочих и колхозников.

В академии много внимания уделялось физической подготовке, игровым видам спорта. Часто в лесопарковой зоне проводились легкоатлетические кроссы, которые мы страсть

как не любили. Вспоминается один веселый сюжет, связанный с таким кроссом. Это было, кажется, на четвертом курсе. Учебные курсы у нас были смешанные (большинство офицеров и человек двадцать курсантов). Наш курс выходит на старт, а лесопарк в Харькове был чудесный, в настоящем лесу проложены ухоженные широкие аллеи. Красивое место. Бежать-то нам не хочется, мы договариваемся с Олегом Людоговским: «Давай со старта что есть мочи рванем, а затем спрячемся в кустах, пока все не пробегут». Сказано – сделано. Рванули мы с Олегом по-спринтерски, как на стометровку. Отбежали метров двести и спрятались в кустах за поворотом. Когда все пробежали, мы вышли из кустов и пошли прогулочным шагом по дистанции кросса. Разговаривая, подходим к финишу, а на нас чуть ли не с кулаками набрасываются товарищи-офицеры. Думаю, побили бы, если бы не лежали обессиленные на траве. Мы сначала никак не могли понять: к нам-то какие претензии? Потом все выяснилось. Оказывается, когда мы унеслись со старта, большинство офицеров, задетые за живое таким нашим нахальством, бросилось в погоню. Бегут, бегут, а догнать нас не могут, ещежимают – все никак, нас впереди не видно. Выложились полностью, так и не догнав нас. Пересекли линию финиша, обессиленные грохнулись на траву и начали нас «честить», а когда мы появились, неторопливые и отдохнувшие, эти рекордсмены готовы были нас разорвать.

После «знаменитого» кросса. В центре: начальник курса полковник Озерский Н.П.

Но люди тогда были незлобивые, и потом мы несколько месяцев вспоминали этот «рекордный» забег и потешались друг над другом. Я умышленно употребил этот термин – «незлобивые». Это было на самом деле так. Даже больше, я бы сказал, что это была своего рода визитная карточка нашего времени. Доброта наших людей была по сегодняшним меркам просто фантастической. Для сравнения посмотрите, понаблюдайте за лицами пассажиров в метро, в пригородной электричке, и вы кроме хмурых, напряженных и озабоченных лиц вряд ли что увидите. При этом в качестве детонатора срабатывает любая, даже самая пустяковая деталь. На-

пример, кто-то кому-то нечаянно наступил на ногу – тут же следует взрыв с непредсказуемыми последствиями. Народ в высшей степени озлоблен. Бесспорный и очень тревожный факт!..

Мы много читали, часто ходили в кино, посещали театры. Харьков того времени – это большой культурный и промышленный центр, в нем было несколько десятков высших учебных заведений, несколько театров, в том числе – Русский драматический театр, часто там гастролировали большие и известные эстрадные коллективы, например оркестры Олега Лундстрема, Эдди Рознера, и другие. У нас в академии был собственный сильный эстрадный ансамбль, который довольно часто выступал с большими концертами. Нас учили бальным танцам, при академии был ряд кружков художественной самодеятельности. В общем, жили мы разносторонней жизнью и получали всестороннее развитие, что, несомненно, помогло нам в будущем.

Два события тех лет мне особенно памяты. В 1955 году умерла мама. Это был удар страшной силы. Маму я очень любил. Она была очень большим человеком, и на ее долю выпала крайне тяжелая жизнь, полная тревог и огорчений. Съездил на похороны. Они были весьма скромные, хотя ее многие знали и уважали. Маму отличала какая-то особая мудрость, способность быстро и очень глубоко разбираться в самых сложных жизненных коллизиях. Она многому меня научила. Я, часто сталкиваясь с какой-нибудь сложной

проблемой и найдя правильное решение, с благодарностью вспоминаю ее науку и непременно удивляюсь, откуда и как она могла набрать такой большой жизненный капитал. Ведь прожила она всего сорок девять лет. Мне думается, что царство небесное должно было непременно для нее открыть ворота в рай.

Следующее событие в моей жизни сыграло особую роль. Я встретил ЕЕ. Но об этом потом, если будет возможность сохранить целостность изложения материала.

Итак, академия, высочайший уровень преподавания в ней явился следующим, после школы, базисом в моей, теперь уже профессиональной, подготовке. Вот уже много лет, как наша академия осталась за границей, на территории Украины, но ее имидж так же высок, как и в прежние годы. К сожалению, в прошлом году ушел из жизни Яков Давыдович Ширман выдающийся ученый в области радиолокации, который создал потрясающую научную школу в этой области и воспитал десятки, точнее сотни, докторов и кандидатов наук.

Армейские университеты

Далее мое образование проходило следующим образом. В 1959 году после окончания академии я был направлен для прохождения службы в Закавказье, в 27-й радиотехнический полк противовоздушной обороны.

Небольшое отступление. По окончании академии нам предоставлялся месячный отпуск, который я, естественно, собирался провести дома, в Тарасовке. Готовясь покинуть альма-матер, мы начали собирать свои нехитрые пожитки. Оказалось, что вещей набралось не так уж и мало, обмундирование выдавали в то время полностью все, что положено (повседневное для строя и выходное, полевое и прочее). Ребром встал вопрос, как всю эту кучу обмундирования транспортировать. После некоторых размышлений пошли на рынок выбирать «тару». Ходили долго, пока не наткнулись на кучу чемоданов, среди которых были совершенно удивительные экземпляры. Мне приглянулось одно чудовище (иначе не назовешь) из этой кучи, представляющее собой этакий шедевр деревянного зодчества. Это был чемодан гигантских размеров, сделанный из фанеры и обтянутый дерматином. Он имел две ручки и даже пустой весил довольно прилично. Но у него было одно неоспоримое преимущество: в его чрево уместилось абсолютно все мое хозяйство. Но вот поднять его одному человеку было практи-

чески невозможно. Ребята смеялись: тебе его можно оставлять на вокзале без присмотра, все равно никто не унесет. И это было близко к истине. Когда поезд пришел в Москву, меня встретил брат Саша. Осмотрев и попробовав поднять это чудище, он сразу же позвал носильщика. Носильщик за чемодан взялся бодро... с трудом оторвал его от земли и почти волоком потащил по платформе. Буквально сделав несколько шагов, остановился и стал снимать ремень с брюк, на что Саня, не утерпев, отреагировал оригинальным образом: «Ты что, штаны собираешься снимать, чтоб легче нести было?» «Да нет, – серьезно ответил носильщик, – я привяжу ремень к чемодану, вы его поднимете и поможете мне положить на спину» (в то время у носильщиков не было тележек, и вещи они таскали на себе). Мы помогли ему поднять чемодан на спину, и он, несчастный, его понес. Смотреть на него было жалко. Мужичок, очевидно, был далеко не Жаботинский и к тому же наверняка поддающий, поскольку от натуги покраснел как рак, на что Саня опять же отреагировал должным образом: «Ты не помрешь случайно по дороге?» «Да нет, я здоровый», – прохрипел носильщик, явно выбиваясь из последних сил. Мы с трудом добрались до стоянки такси и, щедро расплатившись с обрадованным носильщиком (который, по-моему, был больше рад не нашей щедрости, а тому, что расстался наконец-то с этим монстром ремесленного искусства), поехали на Ярославский вокзал. До дома этот чертов чемодан мы весь оставшийся путь несли вдвоем. Кстати,

примерно аналогичная история с носильщиком произошла на вокзале в Тбилиси, куда я приехал по завершении отпуска. Этот чемодан еще долго служил мне, выполняя не только функцию чемодана, но являясь одновременно и моим шкафом, в котором я хранил всю свою армейскую форму, белье и прочее. Путь его завершился в Тарасовке, куда удалось перебраться через много-много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.